

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

ПРЕЗУМПЦИИ И ФИКЦИИ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

И.В. РЕШЕТНИКОВА,

Председатель Арбитражного суда Уральского округа,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

DOI: 10.24031/2226-0781-2019-9-1-16-28

В статье рассматривается место презумпций и фикций в процессе доказывания в российском арбитражном процессе (отчасти и в гражданском процессе). На основе судебной практики анализируется влияние презумпций на распределение (перераспределение) бремени доказывания. Демонстрируется взаимосвязь презюмируемых фактов с предметом доказывания по делу, презумпций и освобождения от доказывания. Автор останавливается на разграничении презумпций и фикций в процессе доказывания, их роли. Раскрыты виды презумпций, существующие в российском и английском процессах, проведено их сравнение. Подробно автор останавливается на раскрытии косвенных презумпций, выведенных высшими судебными органами из содержания закона. Формируется подход к косвенным судебным презумпциям – определенность для лиц, участвующих в деле, и для судов. В статье критикуется мнение некоторых ученых, полагающих, что в российском процессе имеет место презумпция незаконности действий государственных органов, выведенная исходя из особенностей распределения бремени доказывания по публичным делам. Автор полагает, что в данном случае законодателем использован институт распределения бремени доказывания в целях защиты «слабой» стороны, что не является правовой презумпцией, ибо такая презумпция противоречила бы конституционному принципу законности.

Ключевые слова: бремя доказывания; перераспределение обязанности по доказыванию; предмет доказывания; презумпция; фикция.

PRESUMPTIONS AND FICTIONS IN ARBITRATION PROCEDURE

I.V. RESHETNIKOVA,

Chairman of the Arbitration Court of the Ural District,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation

The article discusses the place of presumptions and fictions in procedure of proof, impact of presumption on distribution and redistribution of the burden of proof. On the basis of court practices it shows relationship of the presumed facts with the subject of proof, presumption and exemption from proof. The author analyses the distinction between presumptions and fictions, their role in procedure of proof. The types of presumptions in Russian and English civil procedure in their comparison are conceded. The author discovers indirect presumption, derived from the Law by the highest courts in Russia. An approach to indirect presumptions is being formed, namely: they must be certain for persons participating in a case and for judges. The author criticizes opinions of some researchers, who believe, that in Russian procedure we have presumption of illegal activity of state bodies, coming from an idea of the specific of distribution of the burden of proof in public cases. The author believes that legislator has used special distribution of the burden of proof in public cases for protection "weak" party only. This is not a presumption of illegal activity, because the presumption would be contrary to the constitution principle of legality.

Keywords: burden of proof; redistribution of the burden of proof; subject of proof; presumption; fiction.

В последние годы арбитражные судьи часто обсуждают возможности перераспределения бремени доказывания, что продиктовано судебной практикой, в которой бремя доказывания активно перераспределяется, но для правоприменителя всегда важно понимать, когда, в каких пределах это может или должно быть. Не менее важна определенность в данном вопросе и для участников процессов, ибо именно они несут обязанность по доказыванию. Некая неопределенность вопроса подтолкнула автора статьи обратиться к бремени доказывания, что в итоге привело к размышлениям о презумпциях и фикциях в процессе. В настоящее время в обзорах судебной практики, постановлениях Пленума ВС РФ содержится активное апеллирование к презумпциям, многие из которых относятся к косвенным.

1. Небольшая предыстория

В одном из хорошо известных дел с участием Путиловского завода еще Президиум ВАС РФ указал на перераспределение бремени доказывания в результате опровержения презумпции добросовестности: ожидаемым поведением абстрактного хорошего генерального директора являлось бы раскрытие акционерам информации об условиях взаимосвязанных сделок. Однако Г.П. Семененко не сделал этого ни в период совершения сделок, ни в ходе судебного разбирательства. Указанные обстоятельства в свою очередь не позволяют применить к ответчику презумпцию добросовестности и переносят на него бремя доказывания: именно Г.П. Семененко, действующему с потенциальным конфликтом интересов, *надлежало доказать* то, что приобретение имущества Путиловским заводом со 100%-ным участием в его уставном капитале Кировского завода совершено в интересах этих юридических лиц, а не для извлечения самим Г.П. Семененко и его матерью частной финансовой либо иной выгоды¹.

Позже добросовестность через призму бремени доказывания была раскрыта в постановлении Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица»: «В силу пункта 5 статьи 10 ГК РФ истец должен доказать наличие обстоятельств, свидетельствующих о недобросовестности и (или) неразумности действий (бездействия) директора, повлекших неблагоприятные последствия для юридического лица», поскольку пока не будет доказано иное, добросовестность ответчика презюмируется. И далее: «В случае отказа директора от дачи пояснений или их явной неполноты, если суд сочтет такое поведение директора недобросовестным (статья 1 ГК РФ), бремя доказывания отсутствия нарушения обязанности действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно может быть возложено судом на директора»². Отметим, что в конкретном деле содержится императивное указание о том, что директору «надлежало доказать», в рассматриваемом положении Постановления Пленума ВС РФ диспозитивность – бремя доказывания «может быть возложено». Однако поскольку после опровержения презумпции действует общее правило распределения бремени доказывания, речь должна идти об обязанности сторон.

¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 6 марта 2012 г. № 12505/11.

² Пункт 1 постановления Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица». См. также определение ВС РФ от 31 октября 2014 г. № 309-ЭС14-923.

2. Происходит ли в данном случае перераспределение бремени доказывания?

Общим правилом распределения бремени доказывания является следующее: кто на что ссылается, тот то и доказывает. Принято считать, что презумпции «сдвигают» бремя доказывания, это происходит потому, что какое-то из обстоятельств считается установленным, пока иное не будет доказано, другими словами, пока презумпция не будет опровергнута. Как только презумпция опровергнута, бремя доказывания возвращается в обычное русло: кто на что ссылается, тот то и доказывает. Так, адресатом презумпции добросовестности в приведенных выше примерах является директор. Но поскольку в российском праве принято считать все презумпции опровержимыми, противоположная сторона может ее опровергнуть, доказав недобросовестность определенного лица. В этой ситуации правовая презумпция прекращает свое существование, и бремя доказывания определяется в соответствии с общим правилом (ч. 1 ст. 65 АПК РФ, ч. 1 ст. 56 ГПК РФ, ч. 1 ст. 62 КАС РФ), в том числе директор доказывает свою добросовестность. Перераспределяет ли суд бремя доказывания? Мне кажется, что это спорно, хотя об этом же пишут и ученые¹. Спорно, так как достаточно опровержения презумпции для начала действия обычных правил по распределению обязанности по доказыванию, никаких дополнительных действий совершать для этого не требуется. Другое дело, что суд в силу ч. 2 ст. 66 АПК РФ *вправе предложить* стороне представить доказательства своей добросовестности. В этом случае, так же как и при перераспределении бремени доказывания, де-факто еще во время судебного разбирательства суд признает презумпцию опровергнутой², тем самым ставя адресата презумпции в известность об этом.

Сказанное довольно образно определено американским ученым Тэйером в теории «лопающегося пузыря»: когда противник презумпции представляет доказательство, достаточное для подтверждения вывода о правдивости основного факта и противоречащее существованию презюмируемого факта, «пузырь» презумпции лопается и презумпция исчезает³. Кстати, в англо-американской теории доказывания всегда отмечается, что в презумпции имеется два факта: основной

¹ См., например: Нахова Е.А. Роль презумпций и фикций в распределении обязанностей по доказыванию. Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 2006.

² Опровержимость презумпции добросовестности подчеркнута ВС РФ: «Судами ошибочно не принято во внимание то, что презумпция добросовестности является опровержимой. В ситуации, когда лицо, оспаривающее совершенную со злоупотреблением правом сделку купли-продажи, представило достаточно серьезные доказательства и привело убедительные аргументы в пользу того, что продавец и покупатель при ее заключении действовали недобросовестно, с намерением причинения вреда истцу, на ответчиков переходит бремя доказывания того, что сделка совершена в интересах контрагентов, по справедливой цене, а не для причинения вреда кредитору путем воспрепятствования обращению взыскания на имущество и имущественные права по долгам» (определение от 15 декабря 2014 г. по делу № 309-ЭС14-923).

³ См. подробнее: McCormick on Evidence / By J.W. Strong. 4th ed. West, 1992. P. 582–586.

и презюмируемый, а также тот субъект, который обладает презумпцией, и противник этой презумпции; последний пытается опровергнуть презумпцию.

3. Опровержение презюмируемого факта – это право или обязанность стороны?

В науке высказано мнение, что «презумпция освобождает одну сторону от обязанности доказывания, но перекладывает это бремя на противоположную сторону»¹. Возьмем для примера презумпцию вины причинителя вреда. В силу ст. 1079 ГК РФ суд презюмирует наличие вины владельца источника повышенной опасности. Соответственно истец исходит из установленности данного факта и не доказывает его. Ответчик может попробовать опровергнуть наличие презюмируемого факта. Но обязанность это или право? Если исходить из тезиса, что презумпция сдвигает бремя доказывания, то, возможно, это и обязанность.

Добросовестность участников процессуальных правоотношений презюмируется не только при рассмотрении дела в целом, но и при рассмотрении ходатайств и заявлений. К примеру, сторона представляет доказательство в суд. Суд презюмирует, что сторона действует добросовестно, принимает доказательство. Однако противоположная сторона вправе заявить о фальсификации доказательств. Если будет доказано, что сторона представила в суд фальсифицированное доказательство, то оно исключается. Аналогичное распределение бремени доказывания существует при рассмотрении заявления о приостановлении исполнения судебных актов арбитражными судами апелляционной и кассационной инстанций (ст. 265.1, 283 АПК РФ), об отмене мер обеспечения иска и пр.

Вероятно, можно сказать, что перераспределение бремени доказывания имеет место при доказывании отрицательного факта. По конкретному делу ВС РФ отметил: «Исходя из объективной невозможности доказывания факта отсутствия правоотношений между сторонами, суду на основании статьи 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации необходимо делать вывод о возложении бремени доказывания обратного (наличие какого-либо правового основания) на ответчика»².

4. Для чего придуманы презумпции или каково их предназначение?

С юридической позиции презумпции ускоряют процесс доказывания, влияя на распределение бремени доказывания. У презумпций может быть и социаль-

¹ Грубцова С.П. Правовые презумпции в судебном административном процессуальном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 137–138.

² Определение ВС РФ от 26 июля 2016 г. № 307-ЭС16-7988.

ная миссия – защита определенных групп населения или некоторых правовых интересов. К примеру, презумпция отцовства при рождении ребенка в браке защищает интересы детей. В настоящее время в судебной практике обсуждается проблема существования презумпции общих долгов супругов по делам о несостоятельности (банкротстве) одного из них и пр.

В науке также обсуждается следующий вопрос: презумпции лишь влияют на бремя доказывания или освобождают участника от доказывания наравне с общеизвестными, преюдициальными и признанными фактами? Предназначение опровергаемых презумпций иное, ибо их всегда можно опровергнуть. Даже если и есть некое подобие освобождения от доказывания, то оно касается лишь одного презюмируемого факта и действует до момента опровержения презумпции. В любом случае процессуальное законодательство обоснованно связывает презумпции с распределением бремени доказывания, а не с освобождением от доказывания.

5. Входит ли презюмируемый факт в предмет доказывания по делу?

Пока обстоятельство презюмируется, оно не подлежит доказыванию, ибо предполагается его установленность, что не исключает вхождения такого факта в предмет доказывания. Как только презумпция опровергнута, презюмируемое ранее обстоятельство подлежит доказыванию. В связи с этим представляется, что презумпция лишь сдвигает бремя доказывания, но не влияет на предмет доказывания. Если исключать презюмируемые факты из предмета доказывания, то суд был бы не вправе допускать доказательства, опровергающие презумпцию, как не относящиеся к делу, что недопустимо с позиции и законности, и разумности.

6. Далеко не все, что называется презумпцией, таковой является

И.М. Зайцев в свое время относил норму ч. 3 ст. 79 ГПК РФ к фикциям: при уклонении стороны от участия в экспертизе, непредставлении экспертам необходимых материалов и документов для исследования и в иных случаях, если по обстоятельствам дела и без участия этой стороны экспертизу провести невозможно, суд в зависимости от того, какая сторона уклоняется от экспертизы, а также какое для нее она имеет значение, вправе признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым. Данное положение имеет свое развитие в постановлении Пленума ВС РФ от 26 декабря 2017 г. № 58 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»: «*Презюмируется, что вред причинен лицом, находящимся в состоянии опьянения, если такое лицо отказалось от прохождения медицинского освидетельствования*

на состояние опьянения». Так что это – презумпция или фикция? И насколько важно разделить две юридические конструкции? Кстати, в науке иногда такие фикции называют неопровержимыми презумпциями¹.

Правовая презумпция (от лат. *praesumptio* – предположение) освобождает одну из сторон от доказывания презюмируемого факта, но позволяет другой стороне ее опровергнуть, вернув бремя доказывания в привычное русло: каждый доказывает то, на что ссылается.

Фикция в переводе с латыни (*fictio*) – выдумка, вымысел, нечто реально не существующее. Так, презумпция знания закона фактически является фикцией, поскольку невозможно знать все законы. Но наличие фикции сокращает процесс доказывания. В приведенном выше примере: отказался от медицинского освидетельствования – значит причинил вред в состоянии опьянения; отказался от участия в экспертизе, не представил необходимые доказательства для проведения экспертизы, если без этого невозможно ее провести, – суд может признать факт существующим. Другими доказательствами фикцию не устранишь из процесса доказывания. Процессуальная фикция не перераспределяет обязанность по доказыванию². В приведенных фикциях, так же как и в фикции судебного извещения, имеют место специфические процессуальные санкции за недисциплинированное поведение³. К примеру, согласно ч. 4 ст. 123 АПК РФ лица, участвующие в деле, и иные участники арбитражного процесса считаются извещенными надлежащим образом арбитражным судом при наличии перечисленных в законе обстоятельств. Так, если, несмотря на почтовое извещение, адресат не явился за получением копии судебного акта, направленной арбитражным судом в установленном порядке, о чем организация почтовой связи уведомила арбитражный суд, суд признает такое извещение надлежащим и рассматривает дело. Вышестоящие инстанции при пересмотре судебного акта также исходят из наличия надлежащего извещения. В судах общей юрисдикции наличие фикции надлежащего судебного извещения (ч. 2 ст. 117 ГПК РФ) позволяет рассматривать дела в заочном производстве.

Помимо процессуальных фикций имеют место материально-правовые фикции, которые оказывают влияние на формирование предмета доказывания. К примеру, признание гражданина безвестно отсутствующим и объявление гражданина умершим предполагают включение в предмет доказывания обстоятельств, указанных в материально-правовой фикции⁴.

¹ Надо сказать, и в процессуальной науке имеются разные мнения о соотношении презумпций и санкций. См. подробнее: Нахова Е.А. Указ. соч. С. 137–138.

² Баулин О.В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел. М.: Городец, 2004. С. 229.

³ Зайцев И.М. Гражданская процессуальная ответственность // Государство и право. 1999. № 7. С. 93–96.

⁴ См. подробнее: Баулин О.В. Указ. соч. С. 229.

В АПК РФ имеется норма ч. 3.1 ст. 70: «Обстоятельства, на которые ссылается сторона в обоснование своих требований или возражений, считаются признанными другой стороной, если они ею прямо не оспорены или несогласие с такими обстоятельствами не вытекает из иных доказательств, обосновывающих представленные возражения относительно существования заявленных требований». Это тоже в определенном смысле фикция, хотя арбитражное процессуальное законодательство называет признанием обстоятельств дела. В Уставе гражданского судопроизводства 1864 г. подобная конструкция так и называлась – «молчаливое признание». Если признать фикцией, то нельзя доказать обратное, но если это признание, то почему бы от него не отказаться в вышестоящей инстанции? И этот вопрос неоднократно задавался судами. Если мы исходим из того, что это фикция, то от сделанного признания невозможно отказаться. А если даже отказывается сторона, то суд не может принимать во внимание такой отказ при разрешении дела.

Надо сказать, что не во всех правовых системах признается наличие фикций, они скорее относятся к неопровержимым презумпциям. К примеру, приведенная выше фикция признания лица умершим существует в Англии и США, но считается презумпцией. Или другой пример: в Англии действует презумпция времени смерти в случае одновременной смерти нескольких человек, скажем, во время автомобильной аварии. Когда невозможно установить, кто умер первым, презюмируется, что смерть наступала начиная со старшего и заканчивая самым молодым. Данная презумпция неопровержима. Основной факт, подлежащий доказыванию, – невозможность установить точный момент смерти каждого.

Сравним *виды презумпций в российском и английском праве*. В английском праве принято выделять пять видов презумпций:

1) убедительные презумпции – для доказывания факта А презюмируется существование факта Б. К примеру, такой презумпцией является здравомыслие: все люди презюмируются здравомыслящими, пока не будет доказано обратное. В российском праве аналогом такой презумпции можно считать добросовестность, разумность;

2) доказательственные презумпции – суд делает вывод о существовании факта Б, поскольку доказан факт А. В российском процессе также выделяются доказательственные презумпции. Например, по смыслу п. 1.1 ст. 84 Закона об акционерных обществах и абз. 4–6 п. 6 ст. 45 Закона об обществах с ограниченной ответственностью выделена презумпция ущерба от совершения сделки¹. Презюмируемый факт (факт Б) – ущерб от совершения сделки, основной факт (факт А) – сторона знала или заведомо должна была знать, что сделка является для общества сделкой с заинтересованностью. Если доказан факт А, то делается вывод о наличии факта Б;

¹ Пункт 27 постановления Пленума ВС РФ от 26 июня 2018 г. № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность».

3) неопровержимые презумпции, которые должны быть предусмотрены статутом. В российском праве отсутствуют неопровержимые презумпции, но есть фикции, которые часто называются неопровержимыми презумпциями;

4) разрешительные презумпции, также предусмотренные в статуте: доказывание факта А позволяет суду считать факт Б установленным. В российской процессуальной доктрине такой вид презумпций не выделяется;

5) презумпция факта, в основе которого лежит повседневный опыт. Повседневный опыт должен быть настолько привычным, что все судьи будут делать один и тот же вывод из тех же самых предварительных фактов¹. В деле *Chard v. Chard* (1956) мужчина женился в 1909 г., в последний раз получил сведения о своей супруге в 1917 г., в 1933 г. снова женился. В суде возник вопрос о законности второй женитьбы. Суд исходил из презумпции повседневной жизни: если в 1917 г. супруге было 28 лет, то в 1933 г. ей было бы 44 года, любой человек с хорошим здоровьем, какой и была данная женщина, доживет до 44 лет². В российской науке некоторые ученые также выделяют фактические презумпции, которые известны со Средних веков. Они не отражаются в нормах права, а соответствуют представлениям людей о тех или иных фактах исходя из имеющегося опыта, общепринятого понимания, навыков и т.д. Далеко не все юристы поддерживают наличие фактических презумпций. Так, О.В. Баулин подчеркивает, что о таких презумпциях может быть известно не каждому, что вряд ли допустимо в деятельности суда по распределению бремени доказывания и тем более для отказа в удовлетворении заявленных требований. Например, суд по делу о лишении родительских прав не имеет права отказать в иске на основании неопровержения противоположной стороной фактического предположения о том, что родители обычно заботятся о своих детях³. О.В. Баулин отметил квинтэссенцию презумпций: чтобы стать презумпцией, тот или иной вывод должен быть известен не только суду, но и участникам процесса. В противном случае нельзя решать дело на основании лишь того, что предполагает суд. «Может возникнуть проблема необоснованного расширения перечня явлений, которые подпадают под понятие правовой презумпции»⁴.

В российской процессуальной науке принято выделять прежде всего правовые презумпции, закрепленные в нормах права (ст. 401, 796, п. 2 ст. 1064, п. 1 ст. 1079 ГК РФ, п. 2 ст. 48 СК РФ, ст. 53.1 Закона о несостоятельности (банкротстве) и др.). Правовые презумпции могут быть установлены не только в нормах материального, но и в процессуальном праве. Так, с недавних пор действует презумпция достоверности нотариального акта до тех пор, пока не будет доказана его фальсификация или не будет отменен данный акт (ч. 5 ст. 69 АПК РФ).

¹ Wojczuk W. Evidence: Textbook. 5th ed. HLT, 1993. P. 81–82.

² Решетникова И.В. Доказательственное право Англии и США. 2-е изд. М.: Городец, 1999. С. 129.

³ См.: Баулин О.В. Указ. соч. С. 215–216.

⁴ Грубцова С.П. Указ. соч. С. 155–156.

В последние годы увеличивается число косвенных презумпций, которые выводятся из содержания тех или иных положений закона, но напрямую не закреплены в нем. К таковым можно отнести добросовестность налогоплательщика, добросовестность в целом. Выведением из содержания закона правовых (косвенных) презумпций нередко занимаются судебные органы, в результате чего подобные презумпции получили название «судебные». Благодаря КС РФ появились презумпции добросовестности законодателя и его приверженности общим правовым принципам¹, конституционности положений федерального законодательства² и др. Высший Арбитражный Суд РФ ввел презумпцию законности и обоснованности судебного акта³, презумпцию добросовестности⁴. Верховный Суд РФ на основании действующего законодательства вывел следующие косвенные презумпции:

1) пока иное не доказано заинтересованными лицами, принадлежность должнику-гражданину движимого имущества, на которое можно обратить взыскание, в помещении либо на огражденном (защищенном) от доступа иных лиц земельном участке, находящемся в собственности и (или) во владении должника, презюмируется⁵;

2) презюмируется, что лицо, полагающееся на данные ЕГРЮЛ, не знало и не должно было знать о недостоверности таких данных⁶. Упомянутая презумпция основана на смысле абз. 2 п. 2 ст. 51 ГК РФ: лицо, добросовестно полагающееся на данные ЕГРЮЛ, вправе исходить из того, что они соответствуют действительным обстоятельствам;

3) если работник, с которым не оформлен трудовой договор в письменной форме, приступил к работе и выполняет ее с ведома или по поручению работодателя или его представителя и в интересах работодателя, под его контролем и управлением, наличие трудового правоотношения презюмируется и трудовой договор считается заключенным⁷. Приведенная презумпция основана на общих положениях ст. 2, 67 ТК РФ;

¹ Постановление КС РФ от 2 апреля 2002 г. № 7-П // Российская газета. 2002. 10 апреля.

² Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Гаджиева по делу о толковании ст. 103 (ч. 3), 105 (ч. 2 и 5), 107 (ч. 3), 108 (ч. 2), 117 (ч. 3) и 135 (ч. 2) Конституции Российской Федерации: Постановление КС РФ от 12 апреля 1995 г. № 2-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 1995. № 2–3.

³ Постановление Президиума ВАС РФ от 22 октября 2013 г. № 801/13.

⁴ Постановление Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица».

⁵ Пункт 59 постановления Пленума ВС РФ от 17 октября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства».

⁶ Пункт 22 постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

⁷ Пункт 21 постановления Пленума ВС РФ от 29 мая 2018 г. № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей – физических лиц и у работодателей – субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям».

4) принимая во внимание публичный характер таможенных правоотношений, при оценке соблюдения декларантом данных требований Кодекса и Соглашения судам следует исходить из презумпции достоверности представленной информации, бремя опровержения которой лежит на таможенном органе¹, и др.

Иногда в научной литературе можно встретить отнесение к презумпциям особого подхода законодателя к распределению обязанности по доказыванию. При оспаривании действий (бездействия), нормативных или ненормативных актов соответствующий государственный орган доказывает законность своих действий, принятых им нормативных или ненормативных актов и пр. Законодатель таким образом лишь помогает «слабой» стороне выполнить бремя доказывания, уравнивая ее с сильной стороной². Но можно встретиться и с курьезными замечаниями о том, что здесь имеет место презумпция незаконности деятельности государственных и иных органов, поэтому установлено специальное правило распределения бремени доказывания³. В противном случае мы получаем абсурдное положение: все государственные органы должны функционировать на основе конституционного принципа законности, а процессуальный закон презюмирует их деятельность незаконной?! Особенности распределения бремени доказывания продиктованы далеко не только наличием презумпций.

Рассматриваемый вопрос о презумпциях, как мне кажется, отражает одну из тревожных тенденций развития современного процессуального права. В последние годы можно отметить активное создание процессуальных моделей в ходе правоприменения. Наиболее ярким примером стало в 2012 г. упрощенное производство, разработанное ВАС РФ. Предложенная модель представила собой самобытный результат, не скопированный ни с иностранных моделей, ни с Устава гражданского судопроизводства 1864 г., имеющий лишь легкий намек на Регламент об учреждении европейской процедуры урегулирования споров с небольшой суммой иска.

Однако далеко не всегда в отрыве от процессуальной теории можно создать что-то подобного уровня. Современное развитие процессуального права стало существенно отличаться от советского периода, когда сначала была концепция развития, а затем проекты законов.

В настоящее время в судебных актах по конкретным делам стали активно использоваться термины не только сугубо научные, но и заимствованные из сравнительного правоведения. К примеру, стандарт доказывания, понятие, известное зарубежному процессу⁴. Как неоднократно отмечалось в определениях ВС РФ,

¹ Пункт 6 постановления Пленума ВС РФ от 12 мая 2016 г. № 18 «О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства».

² Как отмечает Е.А. Нахова, это нормативно установленное правило распределения обязанности по доказыванию (см.: Нахова Е.А. Указ. соч. С. 249).

³ Грубцова С.П. Указ. соч. С. 168 и др.

⁴ См., например: Смола А.А. Стандарт доказывания и Верховный Суд // Вестник экономического правосудия. 2018. № 8. С. 129–185; Решетникова И.В. Указ. соч. С. 133–135 и др.